

а также о том, что должно или может прийти на смену идеалам потребительского общества, сегодня ставшим опасным для планеты Земля, человечества и человека.

Оценивая содержание прогресса в контексте глобальных социальных трансформаций, авторы приходят к выводу о наличии новых неисхоженных человечеством троп, что отрицает сегодня линейность прогресса.

В третьем разделе «Прогресс и модернизация в России» рассматривается история российского развития, в концептуальном плане характеризуя время наступления современности здесь, соотношение традиции и архаики, выбор традиции, ее несводимость к раннеисторическим формам жизни русского общества. Обсуждаются черты российского неотрадиционализма, противоречия модернизации и национально-психологические особенности политической модернизации.

Острота проблемы создает особую напряженность дискуссий, которые, несмотря на единство позиций авторского коллектива, не могут не присутствовать в книге.

Главы этой монографии написаны в Разделе I д.ф.н. И.Н.Сиземской (гл. 1), д.ф.н. В.В.Денисовым (гл. 2), к.ф.н. В.Б.Власовой (гл. 3), к.ф.н. В.П.Веряскиной (гл. 4), в Разделе II д.ф.р. И.А.Крыловой (гл. 5), д.ф.н., проф. В.Г.Федотовой (гл. 6 – в соавторстве с д.и.н., проф. А.И.Уткиным и к.с.н. Л.Н.Федотовым; гл. 7), в Разделе III, д.ф.н., проф. В.Г.Федотовой (гл. 8), д.ф.н., проф. А.Л.Стризове (гл. 9), д.ф.н. С.А.Королевым (гл. 10), к.ф.н. Г.Ю.Канаршем (гл. 11). Введение написано В.Г.Федотовой. Ученый секретарь труда Н.С.Петренко. Научно-вспомогательная работа осуществлена Т.Я.Кордоковой, И.Б.Рябушкиной.

РАЗДЕЛ I. ПРОГРЕСС И МОДЕРНИЗАЦИЯ

Глава 1. Прогресс и современные представления о тенденциях общественного развития

Прогресс состоит в неустанном движении вперёд. А единственными реальными носителям этого движения являются люди.

С.Н.Булгаков

Многие исследователи считают, что актуализированная пост-модерном идея о невозможности систематического знания тенденций общественного развития не заслуживает серьезного интеллектуального рассмотрения. Даже не разделяя столь резкой оценки, можно признать, что сегодняшняя историческая ситуация не описывается адекватно «формулой прогресса». Видимо, стоящая за ней теория общественного развития требует корректировки с учётом как современных представлений об обществе и истории, так и иного объяснения тех реальных трансформаций, которые меняют лицо мирового сообщества. Но очевидно и другое – нельзя ограничивать теорию прогресса только рамками формулы, предложенной эпохой Просвещения, и на этом основании отказывать ей в исследовательском потенциале.

Тема прогресса как предмет дискуссий и философских споров не нова. Ей столько лет, сколько первым попыткам понять смысл и цели истории, объяснить временные траектории жизни человечества, выявить механизмы культурной преемственности поколений. Объяснение этого интереса к теме прогресса, как справедливо замечает П.Штомпка, лежит в фундаментальных характеристиках человеческого бытия, и прежде всего тех, которые связаны с извечным разрывом между реальностью и представлениями человека о том, какой она должна быть, а главное, добавим, со свойственным человеку устремлением выйти (хотя бы

мысленно) за рамки ситуации «здесь и сейчас», заглянуть в будущее, чтобы увидеть в нем реализацию своих замыслов и ожиданий, т. е. убедиться в вечности Бытия и непреходящей ценности человеческой жизни. Но в последнее время предметом особого спора стала не идея, а *концепт* общественного прогресса, понятие, жёстко связанное с системой представлений, в контексте которой только и правомерно его адекватное употребление. Такой системой представлений в споре о прогрессе стала интерпретация *природы социальности*. Продолжающееся обсуждение темы не поставило точку в споре возможно потому, что пока не достигнуто взаимопонимание на основе парадигмальных установок, позволяющих «войти в интерфейс». Пока этого не произойдёт, спор обречён на вечное хождение «по кругу». Самой же идее прогресса угрожает возврат в разряд утопических конструкций человеческого ума, значимость которой будет усматриваться лишь в её альтернативности идее апокалипсиса, а на уровне общественного настроения – всеобщему отчаянию.

У проблемы есть два аспекта – *гносеологический*, в рамках которого правомерна постановка вопросов, соотносящихся с философской рефлексией по поводу того, сохраняет ли теория прогресса исследовательскую значимость в контексте неозволюционистских концепций развития или её исследовательские возможности связаны только с прогрессистскими вариантами теории общественного развития в их классическом толковании. Второй аспект – *онтологический*, относящийся к процессам, определяющим лицо современности, и прежде всего к процессам модернизации и глобализации как главных векторов сегодняшнего развития цивилизации, свидетельствующих о том, что мир изменился в направлении роста непредсказуемости отрицательных последствий современного научно-технического прогресса, неразрешимости для ряда регионов мира таких проблем, как нищета, голод, массовые заболевания (туберкулёз, СПИД, наркомания), повсеместного распространения стандартов поведения, рождённых «обществом потребления». Смещение этих двух аспектов чаще всего приводит к взаимному непониманию и неприятию аргументации спорящих сторон. В предлагаемом ниже анализе выбран первый аспект.

Идея прогресса в парадигме «геометрического ума»

Понятие «общественный прогресс» введено в научный аппарат философско-исторического знания в качестве его базовой категории эпохой Просвещения и связанным с ней европео-критицистическим мышлением. Его теоретическим обоснованием стала предложенная концепция всемирной (на деле европейской) истории, объясняющая векторы (ценностные ориентиры) и смыслы исторического движения человечества, осуществляющегося, согласно этой теории, с одной стороны, в соответствии с общей для всех формулой перехода от дикости к варварству, от варварства к цивилизации, детерминированной успехами знания и совершенствующихся на его основе производственных технологий. С другой стороны – в соответствии с особенностями культурного наследия и природных условий каждого народа. Смысловое поле предложенной формулы включало в качестве констант исторического движения развитие знания и хозяйственной практики, сопровождающееся освобождением человека от абсолютного диктата природных сил, разумность этических норм и межличностных отношений, гражданские свободы, духовно-культурный потенциал общества. Иными словами, *«формула прогресса»* фиксировала восходящую линию исторического движения как естественно-закономерную, вводя для него социокультурные вехи. Последние толковались в качестве параметров, задающих характер целостности и всеобщности исторического процесса и одновременно допускающие разнообразие его форм.

Такая интерпретация придавала существовавшей в рамках христианства вере в развитие человечества по общему закону научную легитимность, хотя и не выводила её за пределы мировоззренческой парадигмы («от худшего к лучшему»). Смысл истории виделся в достижении совершенного, по меркам принятого общественного идеала, социального устройства. При этом понятие общественного идеала переводилось из сферы утопического сознания в сферу преобразующей деятельности, связанной с конструированием социальной реальности, увязывающей зримыми нитями настоящее и будущее. Обращение к общественному идеалу свидетельствовало, что эмоционально-оценочное отношение к действительности дополнялось научным, что полностью соответствовало критицистическому типу мировосприятия.

Таким образом, идея прогресса укореняла модус развития для всего *становящегося* и обязывала рассматривать жизнь общества по аналогии с природными объектами, движущимися в пространстве–времени по разным траекториям и переходящими в ходе этого движения от одного состояния к другому согласно общему для всех закону. Такой тип мышления, подобно «геометрическому уму», стремился к исчерпывающим определениям и представлениям, не принимая во внимание факты реальности, не поддающиеся формализации. (Вспомним известное изречение Гегеля «Тем хуже для фактов!».) Рационалистический подход схватывал феноменологический план мира, а в социальном моделировании (представлениях о будущем) ему соответствовал ньютоновско-лапласовский детерминизм¹. Познать историю в соответствии с его принципами означало понять *логику смены исторических состояний (общественных формаций, культурно-исторических типов цивилизации)*, а эту последнюю, в свою очередь, как объективный закон Бытия, суть которого – *обязательность* поступательного исторического движения для всего человечества и для каждого отдельного народа. Рационалистический подход не исключал неопределенности общественных процессов (изменений), временных отклонений от «столбовой дороги» истории, но признавал их лишь как следствие вмешательства *случайности*, которую, как правило, связывал с «человеческим фактором»: случайность понималась как неучтённая, непонятая, неузнанная, непознанная человеком необходимость. Вариативность истории ставилась в зависимость от состояния познающего разума.

Конечно, такой подход подвергался критической рефлексии, но ограниченности «геометрического ума» противопоставлялась, как правило, сила Провидения: «Бог превышает геометрию» (Паскаль), поскольку его способы постижения мира представлялись выше возможностей разума. Правда, говоря о Паскале, следует напомнить о его нетрадиционности в оценке Разума и Просвещения. Отвергнув односторонний рационализм и сциентизм, он поставил проблему совершенного научного метода познания, который бы соединил силу «математического ума» со способностью человеческой души, наделённой религиозной верой, проникать в тайны мира и человеческой жизни: «Мы постигаем истину не только разумом, но и сердцем». Так он сформулировал

своё гносеологическое кредо. Можно сказать, что религиозно-мировоззренческая парадигма была определенным «заслоном» от абсолютизации логицизма в осмыслении истории. Но не она одна: значимые противовесы логицизму со временем оформились и в рамках материалистического восприятия мира. Наиболее явно заявили они о себе в отечественной философии XIX в.

На это есть объясняющие причины, они связаны с особенностями способа философствования, характеризующего русскую общественно-философскую мысль. Этот способ философствования уходит своим основанием к идее «цельного знания», признающего взаимодополняемость всех форм постижения мира – понятийного мышления и образного восприятия, бесстрастной рациональности и «верующего разума», интуиции и мистики, но отдающего предпочтение «живому знанию», в лоне которого преодолеваются притязания рационального мышления на безусловную истинность: «Не в отмену логики, а в наполнение её живой предметностью; не в попрание факта и закона, а в узрении целостного предмета, скрытого за ним»². Рационализм в форме жёсткого логицизма просто не находил себе места в контексте такого мировосприятия и такого способа постижения мира. Поэтому рационалистически-позитивистская трактовка прогресса, несмотря на сильное влияние западной философской культуры и прежде всего, немецкой классической философии, не принималась без оговорок не только религиозной (А.С.Хомяков, Вл. Соловьев, Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, С.Л.Франк), но и материалистической традицией (А.И.Герцен, Н.Я.Данилевский, Н.Г.Чернышевский, П.Л.Лавров). Достаточно вспомнить идею Герцена о «растрёпанной импровизации истории», согласно которой последняя «стучится разом в тысячи ворот... которые оторвутся... кто знает?», ибо «при отсутствии плана и срока, аршина и часов развитие в природе и истории не то что не может отклоняться, но должно беспрестанно отклоняться, следуя всякому влиянию»³. Герцен был убежден, что история, как и природа, «никуда не идёт и потому готова идти всюду», постоянно импровизируя на тему «меняющегося настоящего». Не трудно увидеть, что этот тезис Герцена не только существенно отличен от европейски-рационалистического варианта толкования прогрессивного движения истории, но очень сродни сегодняшней пост-

модернистской идее о множественности «точек прорастания» будущего из настоящего. Правда, в отличие от представителей постмодерна Герцен никогда не отступал от «прогрессистской» парадигмы, он просто открыл шлюзы для выхода за пределы ее жестких детерминистских принципов. Значит, «интерфейс» возможен? – это уже о сегодняшних спорах о прогрессе.

Ещё более далёкой от жёстко рационалистического толкования прогресса была трактовка последнего Н.Я.Данилевским, отвергшим идею единой линии в развитии человечества и соответственно причинно-следственную связь между его отдельными историческими этапами, но оставлявшим понятию «прогресс» право на статус категории философии истории, во-первых, применительно к характеристике истории внутри отдельного культурно-исторического типа (древняя, средняя, новая) и, во-вторых, относительно возможности полноты самовыражения последнего. Каждый культурно-исторический тип мобилизует усилия в одной или нескольких из четырёх типов исторической деятельности – религиозной, собственно культурной (наука, промышленность, искусство), политической и социально-экономической. Только в случае единения всех четырёх типов деятельности открывается возможность прохождения всего «исторического поля», что и адекватно его движению в прогрессивном направлении. Поэтому человечество может развиваться только «разноместно» и «разновременно», актуализируя различные стороны своего культурно-деятельностного существования. Правда, в результате сравнительного анализа выделенных им культурно-исторических типов Данилевский приходит к высокой оценке славянского типа: можно питать надежды, что этот культурно-исторический тип впервые представит синтез всех сторон культурной деятельности. Такое признание моментально было включено в систему аргументации панславизма, что лишней раз доказало, что идея прогресса может быть политически ангажирована. Это тоже объясняет факт постоянных споров вокруг неё.

Даже в рамках утвердившегося во второй половине XIX в. социологического подхода, связанного с Г.Спенсером и О.Контом, в отечественной философской мысли сложилась своя трактовка формулы общественного прогресса, более открытая для вариаций, а главное, охватывающая сферу духовной жизни общества

и индивидуальных свобод. Согласно ей история человечества начинается с появлением критического (П.Л.Лавров) и/или морального (Н.К.Михайловский) отношения к прошлому, с постановки идеальных целей и борьбы за их реализацию. Иными словами, сознание есть творческая сила истории, и сила его творчества выражается в том, что оно «не обязано» следовать «естественному ходу вещей». Его способность к критике истории раздвигает рамки необходимости. Классическим можно считать определение, предложенное П.Л.Лавровым: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости – вот краткая формула, обнимающая, как мне кажется, все, что можно считать прогрессом»⁴. Лавров, являясь сторонником «общей формулы» прогресса, отнюдь не отрицал, что его критерий специфичен для каждой сферы человеческой жизни.

Общей особенностью интерпретации «формулы прогресса» отечественной философской мыслью следует признать очевидное устремление «охватить» культурно-личностные формы человеческого бытия. Прогресс понимался (и в рамках материалистической, и в рамках религиозно-идеалистической традиции) как культурная преемственность поколений, вектором которой является нарастание духовного потенциала человечества. В этом, согласно Вл. Соловьёву, и состоит его «тайна». С этих позиций постоянно корректировалась сама «формула прогресса». Наиболее последовательной в этом плане можно считать критику её С.Н.Булгаковым, который теорию прогресса, с её устремленностью найти закономерность исторических и социальных трансформаций, уподоблял тусклой свече, «которую кто-нибудь зажёт в самом начале темного, бесконечного коридора. Свеча скудно освещает уголок в несколько футов вокруг себя, но все остальное пространство объята глубокой тьмой»⁵.

Для отечественной религиозной философии, в которой тема прогресса была одной из центральных, названная выше «направленность» в интерпретации исторического процесса проявлялась с ещё большей настойчивостью, более того, именно она в её экзистенциальном содержании определила главный вектор исследовательского поиска Вл. Соловьёва, С.Н.Булгакова, С.Л.Франка, Н.А.Бердяева⁶.

Итак, каковы базовые постулаты идеи прогресса?

1. Прогресс – это поступательное движение истории (человечества), обеспечивающее ей непрерывность в границах исторического времени (от прошлого – к настоящему, от настоящего – к будущему) и осуществляющееся в рамках определённой целостности. Прогресс захватывает в своё русло *все народы*, хотя далеко не все сразу и одновременно в него включаются. Кто-то некоторое время может оставаться на обочине всемирной истории, заблудившись на её просторах, не включившись в «порядок разумного существования», но это, как писал о России начала XIX в. П.Я. Чаадаев, не лишает шансов со временем войти в семью цивилизованных народов, учтя их ошибки и заблуждения. «Мы не в состоянии проделать сызнова всю работу человеческого духа, но мы можем принять участие в его дальнейших трудах; прошлое уже нам не подвластно, но будущее зависит от нас», – писал П.Я. Чаадаев, думая о будущем страны⁷. В этом общее преимущество тех, кто начинает жизнь «по разуму» позже. (Тезис, принимавшийся всеми «прогрессистами» за исходный в их моделировании будущего.)

2. Прогресс протекает как кумулятивный процесс, характеризующийся сохранением (накоплением) достижений человечества во всех сферах его общественной жизнедеятельности (культура, хозяйственная практика, экономика, формы политической организации и гражданской жизни, семья), что и обеспечивает происходящую смену общественных состояний по «исторической вертикали». Это бесконечный по времени процесс, поскольку каждая его стадия лучше предыдущей и поскольку сама, в свою очередь, подлежит совершенствованию.

3. Понятие прогресса выражало идею законосообразности и всеобщности исторического движения человечества в направлении за горизонт настоящего, идею обязательности приближения его к совершенному состоянию при одновременном и постоянном отдалении от этого состояния как от заданной границы, ибо границы у горизонта попросту нет, как, впрочем, нет и реальности горизонта – он относителен и условен. В этом смысле идея прогресса изначально был свойственен определенный утопизм, но это был конструктивистский утопизм, требовавший действия, активности, исходящей из критической оценки настоящего положения вещей и желания выйти за его грань.

4. Прогресс – это не осуществление изначального плана истории, а её естественное движение, реализующееся через активную, направленную на преобразование настоящего, деятельность людей, преследующих определённые цели и потому наделяющих его ценностными смыслами. Поэтому он выражает культурный вектор истории. По этой же причине источник её развития, как и её движущие силы, лежат в сфере социокультурных трансформаций, переживаемых человечеством. «Формула прогресса» многоосновна, она приложима как к историческому движению в целом, так и к каждому из его конкретных проявлений, и в этом смысле *универсальна и всеобща*.

5. Прогресс – это не филиация одного исторического состояния из другого, потому что движение истории многофакторно в том смысле, что любое её состояние определено *событийно*, и в том смысле, что законосообразность событий испытывает на себе влияние воли, хотения, мотивации, психологических и личностных особенностей тех, кто стоит «у руля» исторических событий. Это не значит, что история слепо идёт за «рулевым», но это означает, что её устремлениям идти по определённому вектору всегда противостоит человеческий фактор, поэтому движение по исторической линейке может временно отклониться и даже сделать зигзаг – в тупик, в никуда. Позже для приведения идеи прогресса в соответствие с этим фактом в научный обиход вошло понятие регресса, став парной категорией, но какое-то время философия истории обходилась без него, оставляя открытым вопрос об отклонениях истории от общего для всех направления.

6. Прогресс – это *причинно обусловленный* процесс. В рамках «формулы прогресса» утверждается принцип «после этого, значит по причине этого». Каждое из исторических состояний находит своё место в движении истории в силу своей закономерной связи с предыдущим, определено, задано общей логикой исторического процесса, которая придаёт последнему целостный, внутренне связанный характер, все в истории достаточно жестко детерминировано силой вещей.

7. Прогресс – это движение человечества по пути к достижению идеала, как бы он ни толковался – победа разума и знания, гарантии социального равенства, свободы, принципов справедливости, всестороннего развития человека, благополучия, счастья, превалирование культурных целей жизни над хозяйственно-